

УДК 323.22

С. Ю. Богданова, канд. экон. наук, декан, Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний (Воронеж, Россия) (e-mail: svetyachek@rambler.ru)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕКСИКЕ

Динамизм современных политических процессов актуализировал проблему периодизации политических изменений. Особенно это актуально при изучении процессов перехода от авторитаризма к демократии.

Отличительной чертой политического развития Мексики была не характерная для Латинской Америки степень политической стабильности и способности элит к изменениям. Сам режим оформился в 1930-х годах по типу «сообщества элит», основой которого является заключение явного или неявного соглашения о разделе сфер влияния между актором, обладающим доминирующим положением, и его основными конкурентами. В рамках «сообщества элит» доминирующий актор страхует себя от возможности утраты лидирующих позиций в обмен на перераспределение ресурсов в пользу других групп. Предельным случаем «сообщества элит» являлась Мексика. Воспроизводству режима способствовали следующие факторы: во-первых, конституционно закрепленный дисбаланс в системе разделения властей; создатели Конституции 1917 г. сознательно пошли на закрепление обширных полномочий президента, аргументируя это необходимостью проведения масштабных преобразований; во-вторых, доминировавший во взаимоотношениях с заинтересованными группами корпоративизм. Эти особенности авторитаризма обусловили специфические особенности мексиканского транзита, который носил не пактовый характер, как в странах Южной Европы и Южной Америки, а типологически представлял собой консервативную реформу, что предполагает сохранение господства правящей элиты прежнего режима без смены акторов благодаря ее приспособлению к новым институтам.

В статье обосновывается недостаточность периодизации лишь на основании изменений электро-рального законодательства. Предлагается периодизация на основе комплекса факторов, обуславливающих взаимоотношения внутри мексиканской элиты и ее стратегии по адаптации к изменениям.

Ключевые слова: демократический транзит, пакт, консервативная реформа, «сообщество элит».

Ссылка для цитирования: Богданова С. Ю. Основные этапы политической трансформации в современной Мексике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, №4(29). С. 215–222.

Изучение перехода от авторитаризма к демократии является одним из основных направлений современной политической науки. Вряд ли у кого-либо возникнет сомнение в том, что полноценное объяснение данного феномена возможно лишь при использовании результатов конкретных страноведческих исследований. В этом отношении особый интерес представляет опыт Мексики. Эта страна долгое время представляла собой образец политической стабильности (в целом, не характерной для региона), а политические элиты продемонстрировали способность адаптации к политическим и социальным изменениям. В то же время изучение трансформационных процессов в

Мексике сопряжено с целым рядом трудностей теоретико-методологического характера. Дело в том, что «транзитология» (исследовательское направление, специализирующееся на изучении переходных процессов) [1] рассматривает процесс трансформации в виде последовательно сменяющихся друг друга этапов: либерализация прежнего режима – переход = установление демократии – консолидация демократии. Это затрудняет анализ случаев, где либо результат перехода неочевиден, либо сформировавшийся режим не соответствует критериям демократии. С другой стороны, транзитологические концепции объясняют лишь переходы к демократии посредством пакта, не

уделяя внимания другим типам переходов. Мексика как раз и является страной, в которой, во-первых, сложно говорить о результатах трансформации (в смысле консолидации режима), хотя перспектива возвращения к авторитарному правлению представляется маловероятной. Кроме того, в Мексике не было пакта [2, р. 16] как способа перехода, хотя страну относят к числу лидеров процесса демократизации в регионе. Типологически мексиканский транзит может быть обозначен как «консервативная реформа» [3, р. 344], что предполагает сохранение господства правящей элиты прежнего режима без смены акторов благодаря ее приспособлению к новым институтам.

Учитывая все вышеизложенное, мы не можем применить в данном исследовании ни традиционный транзитологический исследовательский инструментарий, ни концепции, которые рассматривают в качестве итога процесса трансформации консолидацию режима (в независимости от его характера) [4, р. 227]. Мы считаем необходимым сосредоточить внимание на стадиях процесса трансформации. Это нуждается в пояснении: любой динамический процесс (политическая трансформация не исключение) может быть представлен как ряд сменяющих друг друга этапов. В данном случае стадии процесса рассматриваются не как «переход» от одного состояния к другому, а как самостоятельная проблема. В этом случае необходимо не только выделение основных этапов процесса, но и сравнение условий, в которых действуют акторы на предмет их сходства/различия. В принципе выделение этапов политической трансформации в Мексике уже предпринималось. Так Э. Эрнандес Норзагарай выделяет следующие этапы: 1) 1977–1994 г. от начала политической реформы в Мексике до последней победы Институционно-революционной партии на президентских

выборах; 2) 1994 г. – по настоящее время [2, р. 16]. Видно, что в данном случае, за основы берется изменение избирательного законодательства и победа на выборах Э. Седильо. Однако изменение избирательных процедур и победа на выборах последнего кандидата-прииста – события, за которыми стоят другие изменения, поэтому нужно изменить критерии, на основании которых осуществляется периодизация. На наш взгляд, такими критериями могут стать кризис авторитарного режима и действия, предпринимаемые правящей элитой для стабилизации своего положения, а также структурные изменения, произошедшие в Мексике за время эрозии однопартийного режима.

Для решения этих задач сначала рассмотрим особенности авторитаризма и причины его кризиса. Отличительной чертой мексиканского режима было то, что страна в течение почти семидесяти лет отличалась высоким (а по меркам Латинской Америки – очень высоким) уровнем политической стабильности. При этом термин «стабильность» не следует понимать упрощенно – как сохранение статус-кво. Правящая партия, с одной стороны, действительно решала задачи сохранения собственной гегемонии, а с другой – задачи развития страны. Сам режим оформился в 1930-х гг. по типу «сообщества элит», основой которого является заключение явного или неявного соглашения о разделе сфер влияния между актором, обладающим доминирующим положением, и его основными конкурентами [5, р. 113]. В рамках «сообщества элит» доминирующий актор страхует себя от возможности утраты лидирующих позиций в обмен на перераспределение ресурсов в пользу других групп. Предельным случаем «сообщества элит» являлась Мексика [6, р. 116]. Воспроизводству режима способствовали следующие факторы:

1. Конституционно закрепленный дисбаланс в системе разделения властей. Создатели Конституции 1917 г. сознательно пошли на закрепление обширных полномочий президента, аргументируя это необходимостью проведения масштабных преобразований.

2. Доминировавший во взаимоотношениях с заинтересованными группами корпоративизм. Типологически мексиканский политический режим относился к открытым корпоративистским режимам [6, р. 227]. Институционно-революционная партия (далее – ПРИ) включала в себя целый ряд организаций, выражающих те или иные групповые интересы. Многие из них создавались ПРИ целенаправленно. Помимо этого руководство правящей партии сознательно вовлекало в свои ряды индивидов и группы, проявлявших недовольство режимом, идя на создание в своих рядах отчетливых групп и фракций. Таким образом, ПРИ являлась типичной инклюзивной партией. Выражение автономных требований допускалось только в ограниченном масштабе и в рамках либо правящей партии, либо связанных с ней заинтересованных групп [7, с. 177]. Одним из важнейших следствий мексиканского корпоративизма было то, что он, нивелируя роль парламента, способствовал маргинализации оппозиционных партий [10, р. 25].

3. Третьим фактором стабильности мексиканской политической системы было то, что корпоративизм служил не только механизмом представительства и согласования интересов, но и выполнял более широкие функции – социальной интеграции и легитимации режима. Как отмечал Х. Лабастида: «В то время, как исторической функцией корпоративизма милитаризованных стран является демобилизация и деполитизация общества, и в частности народных масс, в Мексике он способствует тому, чтобы государство

могло мобилизовать широкие слои населения, не теряя над ними контроля» [3, р. 420]. Если классические авторитарные режимы стремились до минимума сократить свой диалог с различными социальными группами, то мексиканская модель зиждилась на сочетании контроля и власти с сохранением и расширением своей социальной базы [8, с. 166]. Интеграция широких масс населения осуществлялась двояким образом – через массовые организации (например, профсоюзы), связанные с правящей партией, и посредством клиентарных связей [3, р. 420]. Последние были особенно распространены в сельской местности.

Другим отличием мексиканского режима от классической модели авторитаризма было наличие оппозиционных партий: двух квазиоппозиционных и оппозиционной (Партия национального действия – ПАН). Однако роль их в политическом процессе была невелика. С одной стороны, как отмечалось выше, этому способствовал корпоративизм, а с другой – практически полный контроль правящей партии над выборами. Однако на рубеже 1960–70-х гг. «мексиканская модель» вступила в кризис. Индустриализация и урбанизация страны в конечном итоге привели к кризису институтов социальной интеграции, сложившихся в 1930-е гг. Это привело к эрозии электоральной базы правящей партии. Наиболее интенсивно этот процесс шел в столице и крупных городах, наименее – в сельских районах. Имеющиеся данные показывают тесную связь типа поселения и падения поддержки ПРИ на выборах [9, р. 266]. В результате стабильность политической системы оказалась под угрозой.

Катализатором недовольства стало студенческое движение 1968–1971 гг., апогеем которого явилась демонстрация в Мехико в 1968 г., расстрелянная войсками. Однако эта мера не принесла ожи-

давшегося эффекта. Страна оказалась вовлеченной в волну студенческих волнений. Крестьяне и индейские общины стали занимать пустующие земли, широкий размах приобрели захваты муниципалитетов и правительственных зданий на местах. В штатах Герреро, Халиско и в столице появилась геррилья. Если режим функционировал как «сообщество элит», то процесс его эрозии должен представлять собой процесс утраты доминирующим актором ресурсов, которые позволяют ему: 1) сохранять доминирующее положение; 2) контролировать (в известной мере) действия других акторов. Именно эрозия ресурсной базы ПРИ, ее действия в изменяющихся условиях, а также воздействие результатов эрозии режима на политический процесс кладутся нами в основу выделения этапов трансформации. Мы выделяем четыре этапа.

Первый этап – 1977–1986 гг. – политическая реформа 1977 г., ставшая началом политической трансформации. Нужно отметить, что попытки стабилизации политической системы были предприняты еще администрацией Л. Эччеверии (1970–1976 гг.) с помощью неопопулистской политики в духе карденизма 1930-х гг. Однако они потерпели неудачу и в значительной мере стимулировали рост конфликтности внутри мексиканской элиты (в частности, между частью бизнес-элиты и государством), поэтому администрацией Х. Лопеса Портильо (1976–1982 гг.) была инициирована политическая реформа, призванная изменить мексиканскую партийную систему. Главным нововведением реформы 1977 г. были изменения в избирательной системе. Из 400 депутатов нижней палаты (их число было увеличено с 237 до 400) 300 избирались по 300-м одномандатным округам, а 100 – по четырем многомандатным по пропорциональной системе. Новая избиратель-

ная система содержала и элемент «связности»: в распределении «пропорциональных» мандатов не участвовала партия, получившая более 60% голосов по системе большинства [10, р. 358]. Помимо этого была облегчена процедура регистрации партий.

Политическая реформа привела к конфликту внутри мексиканской политической элиты. Главным аргументом ее сторонников была необходимость адаптации политической системы к изменившейся социальной и экономической ситуации, подтверждением этому могут служить слова идеолога реформы, министра внутренних дел Х. Рейеса Эролеса, утверждавшего, что для укрепления мексиканского государства «необходимо сократить брешь между государством и гражданским обществом, открыв новые каналы для достижения необходимого консенсуса и легитимности, естественно не разрушая структуры вертикального контроля, которая зиждется на системе господствующей, официальной партии» [8, с. 237]. Противником реформы выступало «профсоюзное» крыло ПРИ. Либерализация избирательного законодательства привела к легализации ряда левых партий, что привело к потере ПРИ части левого электората и, чего опасались, снижению влияния «профсоюзных» групп в партии. Другим оппонентом реформы была правоопозиционная ПАН. По мнению правых, реформа – средство укрепления режима и подкуп оппозиции, что естественно, т. к. реформа носила антипатнистский характер [9, р. 265]. Действительно, электоральная реформа должна была благоприятствовать тем партиям, которые могли бы мобилизовать часть населения, а с другой – встроиться в систему согласования интересов.

Оценивая итоги политической реформы, нужно отметить, что она была инструментом укрепления «сообщества

элит». По итогам выборов 1979 г. 296 мест в нижней палате из 400 получила ПРИ, т. е. мы можем трактовать реформу как передачу части ресурсов (в данном случае мест в парламенте) оппозиции с целью укрепления положения доминирующего актора. Это, а еще повышение цен на нефть в конце 1970-х гг., привели к временной стабилизации политического режима.

Второй этап – 1986–1988 гг. Политическое развитие происходило в условиях кризиса государственно-капиталистической модели. В целях его преодоления правительство М. де ла Мадрида (1982–1988 гг.) начинает экономические реформы, основанные на неолиберальных схемах. Экономический кризис, приведший к эрозии корпоративизма, обострил конфликт вокруг стратегии национального развития. Это, в свою очередь, стимулировало рост противоречий внутри правящей партии. В рамках ПРИ появляется «Демократическое течение» (далее – КД). В его руководство вошли К. Карденас, П. Муньос-Ледо, Р. Гонсалес Гевара. В октябре 1986 г. КД опубликовало заявление с требованием демократических реформ в партии, однако лидеры ПРИ жестко пресекли эту попытку, в результате лидеры КД вышли из партии. Этот шаг привел к тому, что к выборам 1988 г. был сформирован Национально-демократический фронт, который выдвинул Карденаса кандидатом в президенты.

Другим фактором, определявшим политический процесс в Мексике, было усиление внешнеполитического давления США. Экономический кризис 1980-х гг. привел к нарушению равновесия в американо-мексиканских отношениях, нанеся ущерб торговле и финансово-экономическим связям обеих стран. Отдельные признаки нестабильности вызвали беспокойство среди американской элиты, ко-

торая связывала экономическую либерализацию в Мексике с демократизацией.

Учитывая внутривнутриполитическую ситуацию и внешнее давление, администрация М. де Ла Мадрида инициировала изменения в избирательном законодательстве. Число членов нижней палаты увеличилось до 500 человек, число мандатов, распределяемых по пропорциональной части, – до 200.

Третий этап – 1988–1997 гг. Точкой отсчета являются всеобщие выборы 1988 г. По их итогам кандидат ПРИ К. Солинас де Гортари получил 50,35%, К. Карденас – 31,12%. Именно в 1988 г. оформилась мексиканская трехпартийная система. Другим итогом выборов стало то, что впервые лидер, вышедший из ПРИ группы, не оказался «выкинутым» за пределы мексиканской политики. Это означало эрозию официальной партии. Кроме того, утрата ПРИ квалифицированного большинства в нижней палате означала невозможность функционирования политического режима с опорой на прежние методы.

Все это привело к изменениям внутри правящей партии. В годы президентства К. Салинаса де Гортари была принята и введена в действие президентская программа Pronasol. Официально целью Pronasol было создание механизмов распределения средств для поддержания инициатив местных сообществ, т. к. правительственные чиновники делали это неэффективно. Это означало укрепление влияния президента в обход партийного аппарата. Кроме того, характер распределения средств, выделенных на программу (большая часть их была направлена в районы, не лояльные партии) свидетельствовал о том, что цель Pronasol – укрепление влияния ПРИ. Другим важным событием стала XIV Национальная ассамблея ПРИ (1-3 сентября 1990 г.). Итогом ее стал компромисс между реформатора-

ми и консерваторами. На ассамблее были приняты решения об увеличении автономии организаций, входящих в ПРИ, демократизации внутренних выборов и децентрализации партии.

Другой новацией администрации Салинаса де Гортари стали изменения избирательной системы. Потом изменения в избирательное законодательство внесли в 1993 г. Характер их вполне соответствовал духу предшествующих. Иным был механизм их принятия. Соответствующие законы были приняты Конгрессом в результате совместного голосования ПРИ и ПАН.

Итогом третьего этапа можно назвать окончательную эрозию прежнего режима. Теперь успешная реализация реформаторских программ президента зависела от умения договориться с представителями оппозиции. В этих условиях необходимо было, при сохранении контроля над ПРИ, найти точки соприкосновения с одной из оппозиционных партий (чаще всего это была ПАН), что требовало поддержания баланса как между конкурирующими группировками внутри партии, так и между правящей партией и оппозицией. Естественно, это несколько меняло роль института президентства, который стал постепенно приобретать надпартийный характер. Итогом президентства Салинаса стали выборы 1994 г. Их главным результатом стало то, что впервые официальный кандидат (Э. Седильо) получил менее 50% голосов (48,69%). В целом, президентство Седильо напоминало президентство его предшественника. Однако возможности для маневра резко сократились. Этому было две причины: 1) экономический кризис; 2) политический кризис, связанный с восстанием в 1994 г. в штате Чьяпас. В дополнение на повестке дня встал вопрос о подписании договора о Северо-Американской зоне свободной торговли

(НАФТА). В результате администрация Седильо пошла на новые изменения избирательного законодательства. Во-первых, снижалось максимально возможное представительство одной партии до 60%, во-вторых, повышался заградительный барьер с 1,5 до 2,5%, в-третьих, вводилась смешанная система распределения мест в Сенате. Однако главной новацией стало принятие Федерального избирательного закона в 1996 г. Теперь Федеральный избирательный институт стал полностью автономен, а Федеральный избирательный трибунал включен в систему судебной власти.

Четвертый этап – 1997 г. по настоящее время. Отправной точкой стали выборы 1997 г., в ходе которых фракции, сформированные оппозиционными партиями, приблизительно наполовину состояли из депутатов-одномандатников (во фракции ПАН одномандатников было 64, при общем числе в 121, а в ПНД – 30 из 125). До этого основная масса депутатов, избранных в округах, были членами ПРИ. Теперь позиции этой партии во многих штатах были подорваны. Вторым важным событием является победа В. Фокса Кесады на президентских выборах 2000 г. Анализ политики Фокса не является задачей данной статьи. На наш взгляд, главным является то, что после 2000 г. в Мексике еще более четко обозначилась тенденция укрепления президентства как надпартийного института. Этому способствовало и то, что на промежуточных выборах 2003 г. ПАН утратила относительное большинство в палате депутатов (оно перешло к ПРИ).

Приведенная выше периодизация может показаться спорной – в качестве отправной точки отдельного этапа не выделен 2000 г. – утрата ПРИ поста президента. Однако, на наш взгляд, это вполне оправданно. Не отрицая значимости этого факта, мы хотели показать, что выборы

2000 г. – в значительной степени результат предыдущих изменений (реформы избирательного законодательства в 1996 г., утраты ПРИ доминирующих позиций во многих округах и т. д.). В то же время наша периодизация позволяет рассмотреть политическое развитие Мексики как единый процесс, состоящий из четырех этапов. Рубежом является 1988 г. Если на первых двух (1977–1986; 1986–1988 гг.) главным фактором политического развития была адаптация лидирующей фракции мексиканской элиты (руководство ПРИ) к изменяющейся ситуации, то на последних двух (1988–1997; 1997 – настоящее время) все большую роль в мексиканской политике стала играть оппозиция, т. е. результат эрозии партиегегемона превратился в самостоятельный фактор политического процесса. Вместе с тем 1988 г. стал «пограничным» и в другом отношении. Если до конца 1980-х гг. президент Мексики был не только главой государства, но и лидером партии, то после 1988 г. эта ситуация стала меняться. Уже два последних президента-прииста (К. Солинас и Э. Седильо) рассматривали ПРИ в значительной мере как инструмент реализации своих реформаторских инициатив, возможности которого постоянно снижались. В этих условиях все большее значение приобрел надпартийный характер президентства. Наиболее ярко это проявилось в годы президентства В. Фокса, который фактически отстранился от поддерживавшей его партии (ПАН). Формированию надпартийного президентства способствует не только невысокая популярность партий в Мексике, но и значительные конституционные полномочия главы исполнительной власти.

Список литературы

1. Craig A. L., Cornelius W. A. Houses divided: parties and political reform in Mexico // Building democratic institutions:

party systems in Latin America / ed. by S. Mainwaring, T. R. Scully. Stanford: Stanford Univ. Press, 1995. P. 262–263.

2. Munk G., Leff C. Models of transition and demokratization. South America and Eastern Europe in comparative perspective // Comparative politics. 1997. Vol. 29, No. 3. P. 343–362.

3. Semo Calev E. El clientelismo de ayer, hoy y mañana // En del fin de milagro al fin del milenio: homenaje a Joseluis Cescena Games / ed. C. J. Maya Ambia. Mexico, 2000. P. 413–458.

4. Wirda H. J. Democracy and its discontents development, interdependence and U.S. policy in Latin America. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1995. 367 p.

5. Santiago Nino C. Transition to democracy: corporatism and presidentialism with special reference to Latin America // Constitutionalism and Democracy. New York: Oxford Univ. Press, 1993. P. 25.

6. Norsagaray Hernandez E. Sistema electoral y sistema de partidos en Mexico (1994–2000) // America Latina Hoy. 2003. No. 33. P.16.

7. Боровков А. Н., Шереметьев И. К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития. М.: ИЛА РАН, 1999. 356 с.

8. Устинович Е. С. Политико-правовое обеспечение предоставления государственных и муниципальных услуг // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 8, №3 (28). С. 127–133.

9. Gansales Casanova L. Mexico hoy. Mexico, 1989. P. 355–357.

10. Knight A. Mexico's elite settlement: conjuncture and consequences // Elites and democratic consolidation in Latin America and Southern Europe / ed. by J. Higley, R. Gunther. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. P. 113–145.

Поступила в редакцию 24.09.18

UDC 323.22

S. Yu. Bogdanova, Candidate of Economic Sciences, Dean, Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Voronezh, Russia) (e-mail: svetyachek@rambler.ru)

THE MAIN STAGES OF POLITICAL TRANSFORMATION IN MODERN MEXICO

The dynamism of modern political processes actualized the problem of periodization of political changes. This is especially true in the study of the transition from authoritarianism to democracy.

A distinctive feature of Mexico's political development was the degree of political stability and the ability of elites to change, which was not characteristic of Latin America. The regime itself was formed in the 1930s according to the type of "community of elites", the basis of which is the conclusion of an explicit or implicit agreement on the division of spheres of influence between the actor with a dominant position and its main competitors. Within the "elite community", the dominant actor insures himself against the possibility of losing the leading positions in exchange for the redistribution of resources in favor of other groups. The ultimate case of the "elite community" was Mexico. The following factors contributed to the reproduction of the regime: 1) constitutionally fixed imbalance in the system of separation of powers. The creators of the Constitution of 1917. consciously went to consolidate the extensive powers of the President, arguing the need for large-scale reforms. 2) corporate spirit Dominating relations with interested groups. These features of authoritarianism led to the specific features of Mexican transit, which was not a Pact in nature, as in the countries of southern Europe and South America, and typologically represented a conservative reform that involves the preservation of the rule of the ruling elite of the former regime without changing actors due to its adaptation to new institutions.

The article substantiates the insufficiency of periodization only on the basis of changes in electoral legislation. Periodization is proposed on the basis of a set of factors that determine the relationship within the Mexican elite and its strategy for adaptation to changes.

Key words: *democratic transit, Pact, conservative reform, "community of elites".*

For citation: Bogdanova S. Yu. The main stages of political transformation in modern Mexico. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2018, vol. 8, no. 4(29), pp. 215–222 (in Russ.).

Reference

1. Craig A. L., Cornelius W. A. Houses divided: parties and political reform in Mexica. Bulding democratic institutions: party systems in Latin America; ed. by S. Mainwaring, T. R. Scully. Stanford, Stanford Univ. Press, 1995, pp. 262–263.

2. Munk G., Leff C. Models of transition and demokratization. South America and Estern Europe in comparative perspective. Comparative polities, 1997, vol. 29, no. 3, pp. 343–362.

3. Semo Calev E. El clientelismo de ayer, hoy y manana. En del fin de milagro al fin del milenio: homenaie a Joseluis Cecena Games; ed. C. J. Maya Ambia. Mexico, 2000. P. 413–458.

4. Wirda H. J. Democracy and its discontents development, interdependence and U.S. policy in Latin America. Lanham, Md., Rowman and Littlefield, 1995. 367 p.

5. Santiago Nino C. Transition to democracy: corporatism and presidentialism with special reference to Latin America.

Constitutionalism and Democracy. New York, Oxford Univ. Press, 1993, p. 25.

6. Norsagaray Hernandez E. Sistema electoral y sistema de partidos en Mexico (1994–2000). America Latina Hoy, 2003, no. 33, p. 16.

7. Borovkov A. N., Sheremet'ev I. K. Meksika na novom povorote ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya. Moscow, ILA RAN Publ., 1999. 356 p.

8. Ustinovich E. S. Politiko-pravovoe obespechenie predostavljeniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universtiteta, 2018, vol. 8, no. 3 (28), pp. 127–133.

9. Gansales Casanova L. Mexico hoy. Mexico, 1989. P. 355–357.

10. Knight A. Mexico's elite settlement: conjuncture and consequences. Elites and democratic consolidation in Latin America and Southern Europe; ed. by J. Higley, R. Gunther. Gambridge, Cambridge Univ. Press, 1992, pp. 113–145.